

САМЫЕ ВЕРНЫЕ РУКИ

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ПЯТНАДЦАТЬ лет назад, когда в Ташкенте готовились к торжествам по случаю юбилея Алишера Навои, у старшего научного сотрудника Литературного музея Алишера Навои Фазила Камидовны Сулеймановой я брала материал о том, как отмечалось 500-летие великого узбекского поэта в Ленинграде блокадной зимой сорок первого года. Словно о близких, дорогих сердцу людях рассказывала Фазила Камидовна об ученых, поэтах, художниках, которые, отдавая дань памяти великому Навои, совершили в те немислимо тяжкие дни настоящий подвиг. С какой любовью и восхищением показывала она вазу, расписанную на мотивы поэм Навои ленинградским художником Николаем Михайловичем Мохом, как мечтала пригласить его на празднества в Ташкент — словно родного человека.

Ни о чем больше мы с ней не говорили, и у меня осталось впечатление, что Фазила Камидовна всю жизнь занимается изучением творчества Алишера Навои, что на нем сосредоточены все ее интересы ученого. И только потом я узнала, что она стала заниматься им, чтобы помочь другому ученому — Хамиду Сулейманову, мужу.

...Париж, на который он возлагал такие надежды, встретил неудачей. Директор

Национальной библиотеки с вежливой непреклонностью отказывал узбекскому ученому в допуске к хранилищам восточных рукописей. Истощив весь запас доводов и терпения, Хамид Сулейманов решил, что терять ему уже нечего, и дал волю обиде и возмущению:

— Мы у себя изучаем, пропагандируем вашу литературу. Я читал целый курс студентам, моя жена книгу о Стендале написала. А вы нас не хотите допустить даже к тому, что создано у нас к сокровищам нашей культуры.

— Книга о Стендале? — перебил директор. — Какая? — и, услышав название, поручил сотрудникам библиотеки найти и принести ему. Когда небольшая книжка на русском языке оказалась в его руках, директор, уточнив фамилию автора — Ф. Сулеймановой, распорядился, указывая на коренастого, смуглого иностранца:

— Все, что попросит, — предоставить.

— Все ты, — сказал, вернувшись в Ташкент, Хамид Сулейманов жене, радостно делаясь удачами, которые принесли ему изыскания в парижском хранилище

рукописей. — Твоя книга стала мне ключом к тем дверям. Не будь ее — так и уехал бы ни с чем.

Да, все она. Этот, вроде бы случайный, эпизод в Париже оказался как будто символом того, что значили для ученого Хамид Сулейманова помощь и участие в его работе жены. Да, все она: отыскивала нужные материалы, делала выписки, сверяла тексты фотокопий, вычитывала рукописи. Была первым читателем, критиком, редактором. Была секретарем, лаборантом, соавтором. Той незаменимой помощницей, опорой, правой рукой, какой может быть только любящая женщина, для которой дело жизни любимого человека стало и ее делом. Такая счастливейшая женская доля выпала ей. Иметь женой надежнейшего, верного друга и помощника в деле — такое счастье выпало ученому Хамиду Сулейманову.

За сорок один год, прожитых вместе, он находил единственный повод для серьезных упреков жене:

забросила работу над своей докторской диссертацией. И дело тут было вовсе не в каких-то престижных, тем более тщеславных, соображениях. Сам ученый-филолог, Хамид Сулейманов считал очень интересной тему, которой занималась жена.

Единственная из всего выпуска русской филологии девушка узбечка, она еще в студенческие годы увлеклась западноевропейской, особенно французской литературой. Читала курс в университете, защитила кандидатскую по творчеству Стендала (та самая книжка, что оказалась в парижской библиотеке). Потом занялась, можно сказать, неохватной и пока не изученной проблемой — проследить от самых истоков взаимовлияние, взаимосвязи, элементы общности в литературах Европы и Востока. Дело, требующее большой отдачи и времени, и мыслей, и души. А их у Фазилы Сулеймановой поглощала работа, связанная с исследованиями мужа, задавшегося целью вернуть из забвения сокрытые в разных

хранилищах мира произведения художников и поэтов Востока.

А кроме работы — семья, трое детей.

— Вот подготовим все к печати, — тогда уж и займусь своей докторской, — успокаивала она мужа.

Но иначе распорядилась судьба. ...Что дает женщине силы выстоять, когда обрушивается на нее эта потеря? Потеря самого близкого человека, с кем в любви и согласии прожита жизнь и пережито в этой жизни все, — горести и радости, испытания и разлуки, без которого невозможно и представить свое существование. Выстоять помогает сознание своей нужности детям. Выросли дети Сулеймановых. И хотя никто из них не выбрал профессию родителей, мать, друг и советчик, всегда в курсе дел и Рустама, археолога, и Султана, физика, и Зухры, биолога. А еще внуки. И они очень привязаны к бабушке.

Но таким женщинам, как Фазила Сулейманова, дает силы выстоять в горе и сознание еще одной своей нужности — делу мужа, которое продолжать ей. Она дала себе слово: завершить все, что он не успел.

И, не позволив себе передышки, ушла в работу. И книги, которые писал, но не успел закончить Хамид Сулейманов, выходят из печати. Выходят такими, какими он их задумывал. А в авторском перечне фамилия эта называется дважды: Х. Сулейманов и Ф. Сулейманова.

Итог многолетнего кропотливого труда и научного поиска — изданный в прошлом году альбом «Миниатюры к произведениям Алишера Навои XV—XIX веков». Уникальное издание высоко оценили не только в нашей стране, но и зарубежные специалисты. Альбом — в числе произведений литературы и искусства, которым присуждена премия республиканского конкурса, посвященного 60-летию образования СССР.

Недавно я видела Фазилу Камидовну. Она полна энергии, вся в заботах и хлопотах; готовится к изданию альбомы миниатюр к произведениям Джами и Бабур. Надо ехать в Москву. А следом на очереди другие исследования, которые вел муж. Работы впереди много.

Мне же хочется верить, она осуществит и свой собственный замысел, и получит у нее интересная докторская диссертация. Как и мечтал ее муж.

Т. КАПЛИНСКАЯ.